

УДК 140.8

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-383-392

Особенности трансформации буддийских сообществ России

Музафарова Н.Р., Багаева К.А.

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Россия, 670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
muzafar-nr@mail.ru

Аннотация. Специфика развития и функционирования современных буддийских российских сообществ соответствует общемировым тенденциями, сохраняя региональные особенности. Авторы отмечают изменения в структуре сообществ, их положения в обществе, связывая с трансформацией общества. Показано, что буддийские российские сообщества зависят не только от локальных, но и от глобальных социокультурных процессов, происходящих в стране и мире. В России сосуществует два типа буддийских организаций – традиционные и глобальные. Сегодня в контексте обращения к традиционным духовным ценностям, воплощаемым в частности в буддизме, эти организации стали стремиться к выстраиванию диалога. Сделан вывод о том, что сегодня усиливается трансформация буддийских сообществ, что ожидаемо в контексте изменений, происходящих в современном мире. Религиозное пространство буддийских организаций мозаично и отличается пестротой учений, но мировоззренческое ядро в них остается прежним, несмотря на модификации.

Ключевые слова: религия, общество, буддизм, буддийские сообщества, Республика Бурятия, Калмыкия, Тува

Для цитирования: Музафарова Н.Р., Багаева К.А. 2024. Особенности трансформации буддийских сообществ России. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(2): 383–392. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-383-392

Features of the Transformation of Buddhist Communities in Russia

Natalia R. Muzafarova, Kseniya A. Bagaeva

Banzarov Buryat State University
24a Smolin St, Ulan-Ude 670000, Russia
muzafar-nr@mail.ru

Abstract. The authors of the article address the issue of the current situation of Buddhist communities in Russian society. As the study of the topic has shown, the specifics of the development and functioning of modern Russian Buddhist communities correspond to global trends with certain regional characteristics. The authors note changes in the structure of communities, their position in society, linking them with the transformation of society. They equally proportionally depend not only on local, but also on global socio-cultural processes occurring in the country and the world. Two types of Buddhist organizations coexist in Russia - traditional and global. In the first, the national (folk) form of Buddhism prevails, in the second, the international (convert) form. Both forms - conservative and liberal - develop in parallel, almost without interacting with each other. The conservative form of Buddhism is represented by Buddhist communities in the primordially Buddhist territories - Buryatia, Kalmykia, Tuva. These communities have their own religious leaders, and since the 90s of the last century they have been quite disunited. Today, in the context of turning to traditional spiritual values, embodied, in particular, in Buddhism, these organizations began to strive to build dialogue. The second type of Buddhist communities is the result of globalization, the development of neo-Buddhist trends, popular in nature, and more localized in the European part of the country. Thus, today the transformation of Buddhist communities is intensifying,

which is expected in the context of the changes taking place in the modern world. The religious space of Buddhist organizations is mosaic and differs by a variety of teachings, but the ideological core in them remains the same, despite modifications.

Keywords: religion, society, Buddhism, Buddhist communities, Republic of Buryatia, Kalmykia, Tuva

For citation: Muzafarova N.R., Bagaeva K.A. 2024. Features of the Transformation of Buddhist Communities in Russia. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2): 383–392 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-383-392

Введение

Современная ситуация свидетельствует о ренессансе религии. В отличие от прошлого века с его однозначным негативным отношением к любым видам культа современная политика сменилась на диаметрально противоположную. Сегодня религия позиционируется правительством как одна из главных духовных скреп общества. Она стала необходимым компонентом стабилизации, формирования и развития новой российской государственности и культуры. По мнению И.С. Тарбастаевой, «в настоящее время религиозные институты представляют собой активный специфический актор политической системы, оказывающий значимое влияние на формирование культурных ценностей и ориентиров общества. Религиозные организации и их лидеры оказывают конституирующее воздействие на сценарии функционирования социума» [Тарбастаева, 2019, с. 85].

Для нашей страны с ее поликонфессиональным социальным ландшафтом особенно актуальны вопросы взаимодействия личности и религиозной общины. Сегодня традиционные формы религиозной общности модернизируются и получают новые формы и виды. Консервативные идеи диффундируют со светскими, чем обогащают или профанируют религиозные канонические базы.

Этот процесс обрывает различными спекуляциями в виде авторских учений, часто создаваемых в корыстных целях, далеких от гуманистических идеалов. Кроме того, в среде традиционного духовенства не всегда царит абсолютное взаимопонимание и идиллия. Зачастую духовные лидеры демонстрируют примеры поведения далекие от духовных норм их религии. Все это способствует созданию светских форм духовных сообществ.

В данном исследовании мы рассмотрим эту проблему на примере северного буддизма. В свое время многие ученые обращались к этой теме, освящая определенную специфику вопроса глобально [Агаджанян, 2008] и локально [Китинов, 2008, Коротецкая, 2010, Жуковская, 2013], в нашей стране [Янгутов, Цыренов, 2016, Тарбастаева, 2019, Багаева, 2023] и за рубежом, в конкретных городах [Островская, 2016] и регионах [Филатов, 2010, Бадмацыренов, 2012], рассматривали историческое развитие темы [Тарбастаева, Цыремпилов, 2013], проводили сравнительный анализ традиционных и западных форм буддизма в современной России [Монгуш, 2016].

Но, несмотря на определенное количество научных публикаций, освещающих эту тему, на наш взгляд, эти вопросы требуют постоянного мониторинга, рассмотрения и анализа, осмысления в контексте современного положения дел, поскольку наше общество подвержено перманентным изменениям, в том числе и в религиозной сфере, одинаково активно влияющей на общество и личность. Эти исследования особенно интересны именно в российском пространстве со специфической доминантой определенных религий в конкретных регионах страны. Изучение бытования религиозных сообществ, их внутренняя среда, развитие или деградация важны для понимания обще религиозного континуума, построения перспектив и прогнозов.

Современное положение дел буддийских сообществ

Согласно российскому реестру религиозных организаций, на территории РФ зарегистрировано около трехсот буддийских религиозных организаций практически всех видов и направлений [Музафарова, 2024]. Исторически сложилось, что наибольшее количество последователей имеет северный буддизм / Ваджраяна (санскр.). До конца прошлого века буддизм исповедовался в основном в буддийских регионах – Бурятии, Калмыкии, Тыве, а также на Алтае, в Иркутской области, Забайкальском крае. На эти территории буддизм пришел в средние века из Тибета через Монголию [Бадмацыренов, 2017, с. 144] После распада СССР буддизм стал распространяться по всей территории страны. Этот глобальный, конвергентный необуддизм имеет определённые отличия от традиционных национальных форм. По мнению А.С. Агаджаняна, «сегодня мы живем в эпоху "глобального" буддизма, ставшего интеллектуально-духовным ресурсом, открытым для всеобщего пользования. Мы являемся свидетелями и участниками глобальных тенденций, характеризующих современные религиозные процессы, публичных религиозных дискурсов; де-территориализация религиозности, ее растущий отрыв от конфессиональных традиций; складывание свободного рынка религий, функционирующего на принципе индивидуального спроса и выбора; изменение институциональной структуры религий — появление религиозных сетей и релятивизация религиозного авторитета» [Агаджанян, 2008, с. 91]. Такая ситуация возникла из-за вынужденной эмиграции тибетских учителей, в том числе и на запад, в результате чего произошел очередной виток интереса европейцев к востоку и освоению северного буддизма.

Внедрение буддийской культуры в западное пространство привело к возникновению необуддизма. Его основной составляющей являются наиболее простые и понятные идеи северного буддизма, перемешанные с индуизмом, мистикой и эзотерическими идеями и т. д. Благодаря этому буддизм стал основой для «модных» видов бизнеса. Сегодня существует большое количество йога-студий, клиник восточной медицины, дхарма-центров, в которых развивают чакры, чистят карму, диагностируют прошлые и будущие жизни, увеличивают ауру и открывают «третий глаз» и т. д. По нашему мнению, шарлатаны спекулируют на этих темах и получают особую популярность в периоды экономической и политической нестабильности. Множество психологически уязвимых людей становятся жертвами аферистов и лже-гуру, имеющих более чем поверхностные знания о буддизме.

Но есть в этой среде и настоящие Учителя Дхармы (санскр.), транслирующие подлинные морально-этические нормы, гуманистические буддийские ценности и передающие истинное классическое буддийское Учение/Дхарму. Их серьезная просветительская деятельность (публичные лекции, издание книг, проведение ретритов и т. д.) помогает постигнуть сложные постулаты философии северного буддизма. Многие из них участвуют в научных исследованиях западных и российских нейробиологов, психологов, психиатров и т.д.

Северный буддизм вошел в глобальный дискурс с наукой, инициированный его главой Его Святейшеством Далай Ламой XIV. Сегодня это мировая религия, меняющая свои архаичные догматы согласно современным знаниям о мире и находящая параллели в своих постулатах с современной научной парадигмой (например, в квантовой физике).

Специфика и проблемы организации буддийских сообществ

В плане общественной организованности в российском буддизме нет единого сакрального места, централизованного управленческого органа и главного лидера, которому подчинялись бы все буддийские организации. В каждой буддийской республике есть свои региональные главы (Хамбо-лама, Шаджин-лама, Камбы-лама), но и им на

местах подчиняются не все буддийские организации. В связи с этим нет единого плана по развитию буддизма в стране, единой политики и стандартов, общих решений и мнений. Контакты между буддийскими организациями носят спорадический характер, практически нет общих совместных проектов и серьезных конфликтов. Крайне редки и единичны всероссийские и международные буддийские конференции, форумы, фестивали. Духовная жизнь буддийских сообществ развивается независимо друг от друга. Фактически это свидетельствует о свободе деятельности, разобщенности и децентрализованности. Во многом это обусловлено географической отдаленностью друг от друга и определенной национальной разобщенностью. Только в последнее время буддийские организации начали активизироваться. «Примером этого стал проведенный в 2023 г. в г. Улан-Удэ ежегодный международный буддийский форум «Традиционный буддизм и вызовы современности», собравший вместе буддистов и ученых-буддологов из 14 стран, таких как Россия, Китай, Индия, Лаос, Вьетнам, Шри-Ланка, Непал и другие, для обсуждения философских, мировоззренческих проблем буддийского вероучения. Концепцией форума стала готовность в современном обществе противостоять деструктивным тенденциям, ведущим к размыванию традиционных ценностей, нравственной деградации личности, разрушению семьи, культурных основ общества и государства могут традиционные религии, в том числе и буддизм, на протяжении тысячелетий направлявшие людей к самосовершенствованию, общество к мирному процветанию и высокой экологической культуре. Потенциал буддийских ценностей, практик и культуры продолжает быть востребованным и в наши дни. И форум стал в некоторой степени площадкой для выстраивания отношений между странами, результаты его будут видны в долгосрочной перспективе» [Багаева, 2023, с. 34]. Форум позиционируется как объединяющий буддийские организации России и всего мира.

Тем не менее сегодня наблюдается различный характер взаимодействия с правительством страны и региональными властями у буддийских организаций – от абсолютной и полной поддержки до определенной конфронтации. В основном методом «народныхстроек» на частные пожертвования реставрируются старые и строятся новые религиозные сооружения.

Буддизм для традиционно буддийских регионов России является одним из факторов национальной идентичности и составляющих этнической культуры. В интернет-пространстве создаются ресурсы для обучения, осмысления, обсуждения всех видов Учения.

Все буддийские сообщества можно разделить на две группы: традиционные (национальные) и конвертитские (глобальные). Их территориальное присутствие не характеризуется строгой локализацией, а имеет диффузное взаимопроникновение. Традиционные сообщества функционируют со времен средних веков на территориях буддийских республик. За годы пребывания там в каждом из регионов сформировалась определенная местная специфика деятельности буддийских организаций.

Как правило, этнические буддисты выбирают для систематического посещения близлежащий к месту жительства дацан и конкретного ламу для проведения ритуалов, необходимых для решения бытовых проблем. Те, кто хотят посвятить свою жизнь изучению и практике буддизма, стать профессиональными служителями культа / ламами (тиб.) поступают в отечественные (Иволгинский, Агинский) или зарубежные (Индия, Монголия) буддийские университеты и академии. Немногие миряне самостоятельно изучают буддийские книги, прослушивают лекции, присутствуют на ретритах, обучаются на краткосрочных интернет-курсах.

Наиболее распространенный вид религиозного поведения этнических буддистов заключается в посещении дацанов в праздничные дни и паломничестве по значимым буддийским местам. «Народный буддизм» характеризуется синкретизмом с добуддийскими верованиями (шаманизм, тенгрианство).

Национальные формы буддизма параллельно сосуществуют с современными формами организации в виде дхарма-центров. Новые формы организации религиозных сообществ являются естественной реакцией развития общества, порожденной научно-техническим прогрессом и глобализацией. При этом важно отметить, что возникновение нового буддийского миссионерства никогда не было систематическим и прозелитским. Особенностью этих организаций является то, что лидерами подобных сообществ часто бывают миряне. Зачастую люди приходят в них для знакомства с экзотической религией и культурой, постижения сакральных знаний и практик. Зачастую эти центры привязаны к философии конкретной школы буддизма. Это может быть кагью, нигмапа, сакия и другие. Как правило, в них ритуальная деятельность уходит на задний план либо отсутствует совсем. Чаще здесь практикуют различные виды медитации, адаптированные для мирян и модифицированные из классических форм аналитического созерцания / випашьяна (санскр.) и однонаправленного сосредоточения / шаматха (санскр.). По мнению А.С. Агаджаняна, «медитация является ключевым элементом глобального буддизма. Раньше она была центральной частью буддийской эзотерики. В XX веке все меняется: медитация становится достоянием мирян, массовая мирская медитация становится реальностью городского буддизма. Естественно, формы медитации при этом упрощаются. Медитация становится вне-контекстной, смешивается с другими практиками, но и полностью может оторваться от собственно буддийского корня. Меняется в значительной степени и назначение медитации: из эзотерической формы глубокого мистического опыта она становится психо-терапевтическим средством, больше ориентированным на исцеление и доступным массе мирян» [Агаджанян, 2008, с. 123].

Появление новых форм буддийских сообществ является, на наш взгляд, естественным процессом в рамках возникновения и распространения постсекулярного общества. Новые институциональные формы (транснациональные сети) возникают по всему миру. В крупных городах не буддийских регионов России распространен конвертитский тип буддийских организаций. Самыми крупными и известными из них являются международные сетевые организации субтрадиций О. Нидала и Н. Намка и отечественные Д. Тинлея и др. Они характеризуются сектантскими настроениями и их деятельность часто связывают с финансовыми и харасмент-скандалами. Харизматичные руководители подобных дхарма-центров не имеют такого общепризнанного авторитета, как тибетские ринпоче, и являются лидерами лишь для своих немногочисленных последователей. Их авторский буддизм привлекает простотой и практичностью. Упор в них делается не на ритуальную составляющую, а на изучение буддийской философии и тантрические практики. По мнению А.С. Агаджаняна, «западная контр-культура сконструировала свой собственный новый буддизм – духовный коктейль выдернутых из классического контекста практик. Псевдо духовные лидеры конструируют авторский буддизм из "осколков" классического буддизма» [Агаджанян, 2008, с. 167].

Подобный тип общин привлекает тех, кто серьезно изучает и практикует классическое буддийское наследие авторитетных авторов. Такие люди почти не интересуются ритуальной, исторической, мировоззренческой стороной религии, относятся к ней прагматически и предпочитают внеконфессиональную самоидентификацию «последователь Дхармы». Так развивается глобальный транснациональный буддизм, свободный от национальных традиций добуддийских наслоений, использующий логику и научную рациональность в восприятии и интерпретации действительности.

Такая ситуация, по словам А.С. Агаджаняна, «позволяет говорить о существовании "двух буддизмов" – традиционном, консервативном буддизме этнических диаспор и динамичном, активном буддизме западных неопитов. Часто эти две группы, даже соприкасаясь в одной общине или в одном храме, существуют в параллельных плоскостях и преследуют совершенно разные цели. Так, в России наблюдается контраст между

традиционной бурятской, тувинской и калмыцкой сангхой (общиной), с одной стороны, и группами буддийских неопитов крупных городов с другой» [Агаджанян, 2008, с. 177].

Таким образом, активный, или лучше назвать «глобализированный», буддизм распространяется достаточно быстро, тогда как консервативный остается в большей степени на местах. Глобализированный буддизм имеет дело с чтением книг, молитвами, наставничеством, тогда как консервативный играет роль интеграции буддистов бурят, калмыков и тувинцев в российское общество, формируя единую российскую идентичность, опираясь на длительную историю своего существования и богатое культурное наследие.

Традиционные буддийские регионы России

В России традиционные формы буддизма характерны для буддийских регионов. Каждый из них имеет свою специфику бытования буддизма, но и испытывает влияние общемировых тенденций глобализации и развития новых форм буддийской общинности и практики. Все они сохраняют свою этническую самобытность в условиях вестернизации. Народный буддизм является популярной формой вероисповедания в традиционных сообществах.

В Бурятии наиболее известной и многочисленной является централизованная религиозная организация «Буддийская традиционная Сангха России» (БТСР), возглавляемая более двадцати лет XXIV Хамбо-ламой Аюшеевым Д.Б. Его деятельность характеризуется реализацией различных социальных проектов, направленных на развитие животноводства, бурятского языка, национальных видов спорта.

Существует ряд мнений относительно деятельности Д. Аюшеева. Так, исследователь А.С. Агаджанян пишет, что «БТСР, возглавляемая Аюшеевым, в начале XXI в. остается консервативным организмом, оторванным от духовных потребностей современных городов и сохраняющим бюрократический стиль советских времен. Руководство БТСР придерживается ориентации на поддержку бурятского этно-национализма, стремится сохранить свои доминирующие позиции, препятствуя росту религиозной диверсификации» [Агаджанян, 2008, с. 189]. А.М. Верховский считает, что «Аюшеев высказывает обеспокоенность растущей конкуренцией нетрадиционных буддийских групп и пожелание изменить религиозное законодательство таким образом, чтобы приоритетно сохранять «традиционную религию» бурятского народа» [Верховский, 2003, с. 31]. Тем не менее нельзя отрицать и факт того, что «сегодня сангха оказывает достаточно глубокое влияние на общественность, местная власть предпочитает не вмешиваться в религиозные дела. Со стороны федеральных властей уделяется особое внимание именно БТСР, поскольку их позиция коррелирует с официальным представлением государственно-религиозных отношений, что даже выражается в существовании особого феномена «традиционного российского буддизма» [Багаева, 2023, с. 35].

В Калмыкии буддизм активно и открыто поддерживается местными властями. Здесь главным буддийским центром республики считается самый большой хурул «Золотая обитель Будды Шакьямуни». Сегодня его настоятелем и главой крупнейшей централизованной буддийской организации республики «Объединение буддистов Калмыкии» является монах геше Мутул Овьянов. Благодаря традиции, заложенной Тэло Ринпоче, в Калмыкию ежегодно приглашаются делегации тибетских монахов из индийских университетов-монастырей для проведения лекториев по буддийской философии и тантрических ритуалов. По инициативе и содействию Тэло Ринпоче много лет организуются учения Его Святейшества Далай-Ламы XIV для россиян-буддистов и лоббируется его пасторский визит в Россию. В хуруле постоянно проходят курсы калмыцкого языка, конференции, лектории, творческие фестивали, приуроченные к буддийским праздникам. Систематически выпускается буддийская литература. Так,

верующие вовлечены в глобальную коммуникативную сеть тибетского буддизма. Проекты консолидации с глобальным буддизмом ради упрочнения религиозных и культурных связей между российскими регионами, тибетским сообществом и западным миром, разработанные Тэло Ринпоче, продолжают развиваться, несмотря на его отсутствие в России.

В Туве в последнее время после многих лет религиозной стагнации идет активное строительство буддийских объектов и проводятся научные конференции, посвященные буддийской тематике. Благодаря содействию «Культурного фонда им. К. Шойгу» были созданы самый большой в республике хурээ монастырь «Тубтен Шедруб Линг» и монументальная статуя Будды Шакьямуни в месте слияния большого и малого Енисеев. Особенностью региона является его изолированность, небольшая территория и актуальность шаманизма. Здесь нет политического акционизма и активной борьбы за власть у религиозных лидеров. Монашеская и мирская сангха безоговорочно принимает авторитет Его Святейшества Далай-ламы XIV и выполняет духовные заветы Шивалха ринпоче [Монгуш, 2016].

Таким образом, в российском религиозном пространстве сложилось три автономных буддийских центра, объединяющих традиционные буддийские сообщества, представленные калмыцким, тувинский и бурятским центрами. Необходимо отметить, что в национальных республиках они играют интегрирующую роль в обществе, но различаются ориентацией по отношению к тибетскому буддизму. Такая ситуация была заложена еще в начале 90-х годов, когда была дана религиозная свобода. В Бурятии сформировалась этноцентричная модель, реализующаяся в позиции самостоятельного российского буддизма. Буддийские сообщества Калмыкии представляют собой пример глобализирующегося буддизма, детерминированного мировым буддийским сообществом, Тувинский буддизм находится в тесной связи с местными шаманистическими традициями, поэтому этнически и регионально ориентирован, хотя также находится под влиянием мирового буддизма.

Несколько иное положение отмечается относительно новых форм буддийских организаций. По мнению И.С. Тарбастаевой, «отношения между «двумя буддизмами» сложнее, чем может показаться на первый взгляд: именно духовное преемство и благословение, полученное от самых архаичных и традиционных азиатских источников, гарантирует глубину неопитства и легитимность новых, современных общин» [Тарбастаева, 2013, с. 149].

Нетрадиционные для буддизма регионы России

Началом создания новых буддийских общин стали 90-е годы благодаря деятельности европейских адептов, которые слабо представляли себе внутреннюю структуру и функционирование буддийских дацанов, представленных в регионах России. Однако они имеют особую популярность среди европейского населения страны самых разных социальных слоев. Можно согласиться с мнением А.С. Агаджаняна, который считает, что «развитие буддизма сегодня имеет общие кросс-конфессиональные тенденции.

Как и в других религиях, в буддизме присутствует некие анти-глобалистские интонации. Отмежевание новых групп от традиционных может иметь следующие источники: явная ориентация новых групп на мирян, а не на «духовенство»; очевидный экуменизм и универсализм новых групп, в отличие от этнической закрытости старых; переход на иностранные языки по контрасту с лингвистическим консерватизмом старых групп; введение демократических управленческих процедур вместо иерархически-авторитарных традиций. Религиозные формы радикализма в буддизме отсутствуют» [Агаджанян, 2008, с. 201]. В буддизме нет претензий на монополию истины, нет идеи избранничества, уничтожения иноверцев, воинственного миссионерства и прозелитизма, антиглобализма.

Действительно, появление конвертитских сообществ в 90-е годы было вызвано во многом установившейся свободой вероисповедания, тогда как в 2000-е и позднее создание такого рода организаций было вызвано другими причинами. Во многом глобализация стала фактором преобразования буддизма, который трансформировался в глобализирующийся буддизм, перестав быть этнической и национальной религиозной традицией, а стал более интеллектуальным и рациональным. Сегодня части такого глобализирующегося буддизма представлены на территории России наряду с традиционными формами буддизма в виде конвертитских сообществ.

Естественно и то, что традиционный и конвертитский буддизм имеют существенные различия, если даже не противоречия. Зачастую причиной противодействия традиционных и конвертитских буддийских общин, среди прочего, является разница в базовых ментальных доминантах. Очевидно различие в мировоззренческих основах восточных и западных культур. В восточных социальных программах издавна доминирует предпочтение интересов группы, тогда как в западных – личности. Часто излишний индивидуализм и защита частных интересов индивидуума порождает конфликтность в социуме. Из-за нежелания пойти на компромисс и поставить личные интересы на службу общественным продолжительность существования многих буддийских сообществ коротка. Возможно, что не последнюю роль в разногласиях между буддийскими организациями играет государство, которые уже выбрало актором определенные буддийские сообщества.

Ошибочно полагать, что идеи буддизма далеки от политики, ибо в трудах великих индийских мыслителей прошлого «Абхидхармакоше» Васубандху и «Ратанаваали раджапарикатха» Нагарджуны есть прямые указания правителям, как культивировать в государстве идеальный строй, и подробно описан идеал вселенского монарха / чакравартина (санскр.). Кроме того, буддисты живут в государстве, имеющем определенную внутреннюю и внешнюю политику. Общегосударственная и региональная политика сказываются на функционировании не только небольших буддийских групп, но и многочисленных сообществ. Гармонично ли развиваются они или в конфронтации с властью, сказывается на общем климате в стране. Сегодня мы наблюдаем отсутствие активной агрессивной конфронтации и радикализма, но на местах присутствуют конкретные определённые локальные противоречия.

Заключение

Современное российское общество не существует изолированно от общемирового. В нем проявляются те же глобальные тенденции, среди прочего отражающиеся и на религии. Буддийские сообщества не могут существовать в консервативном средневековом виде. Им необходимо подстраиваться под современные реалии и требования паствы. В то же время модернизация древнего тысячелетнего культа – это процесс закономерный, вызванный социокультурными изменениями.

Буддизм всегда отличался своей пластичностью, что в принципе и сегодня он демонстрирует, когда параллельно существуют традиционные буддийские организации и конвертитские буддийские сообщества. В настоящее время нет речи о конфронтации между ними, все-таки основное содержание вероучения остается прежним, и во многом это особенность буддизма, который, наоборот, инкорпорирует в себя местные традиции, верования, в целом сохраняя целостным свое ядро. С другой стороны, трансформация общества, его системы ценностей, появление новых культов и религий, цифровизация и многое другое приводят к тому, что буддийские сообщества также изменяются.

Список литературы

Агаджанян А.С. 2008. Буддизм в современном мире: мягкая альтернатива глобализму. В кн. Религия и глобализация на просторах Евразии. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 341 с.

- Багаева К. А. 2023. Буддизм в контексте государственно-религиозных отношений в российском обществе. Вестник БГУ. Философия. № 4: 31-39.
- Бадмацыренов Т.Б. 2012. Буддизм Бурятии: структурные, функциональные и организационные характеристики. Буддизм в общественно-политических процессах Бурятии и стран Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 160 с.
- Бадмацыренов Т.Б. 2017. Социальная структура буддийского сообщества: компоненты и их взаимодействия Ойкумена. № 2: 18-28.
- Воронцова Л., Филатов С., Фурман Д., 1994. Религия и политика в современном массовом сознании. Религия и политика в посткоммунистической России, М., Издательство Института философии РАН, 257 с.
- Дивисенко К.С., Исаева В. Б. 2020. Типология обращения в западный буддизм в контексте концепции социального механизма религиозной конверсии. Научный результат. Социология и управление, Том 6, Выпуск №3: 139-150.
- Жуковская Н.Л. О буддизме и буддистах. Статьи разных лет. 1969-2011. М., Ориенталия. 2013. 480 с.
- Исаева В. Б. 2019. Теория депривации как инструмент изучения нетрадиционной религиозности // Социологические исследования. № 9: 39-50.
- Коротецкая Л. М. 2010. Буддизм Ваджраяны в России: философские основы, религиозные практики и распространение в России и Европе с конца 80-х г. XX в.: автореф. дис. канд. филос. наук. Чита, 23 с.
- Китинов Б.У. 2008. Буддизм в идентификационных процессах у российских буддистов. В кн. Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах). М., ИС РАН: 214-230.
- Монгуш М. В. 2016. Традиционный и западный буддизм в современной России: опыт сравнительного анализа // Новые исследования Тувы. № 1. URL: // <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/69> (дата обращения: 01.03. 2023)
- Тарбастаева И. С. 2019. Социальный институт буддизма в современной России, Сибирский философский журнал. Т. 17, № 4: 146-154.
- Тарбастаева И. С. Цыремпилов Н.В. 2013. Буддизм в России: прошлое и настоящее./ Власть. № 4: 83-87.
- Янгутов Л. Е., Цыренов Ч. Ц. 2016. Буддизм в социокультурной традиции России. Вестник Бурятского государственного университета. № 6: 108-119.

References

- Agadzhanyan A.S., Religion and globalization in the vastness of Eurasia. Buddhism in the modern world: a soft alternative to globalism, 2008, pp. 861-872
- Bagaeva K. A. Buddhism in the context of state-religious relations in Russian society // Bulletin of BSU. Philosophy. 2023. No. 4, pp. 31-3
- Badmatsyrenov T.B. Buddhism of Buryatia: structural, functional and organizational characteristics. Buddhism in the socio-political processes of Buryatia and the countries of Central Asia. Ulan-Ude: Buryat Publishing House. state un-ta. 2012. pp. 40-58.
- Badmatsyrenov T.B. Social structure of the Buddhist community: components and their interactions of the Ecumene. 2017. No. 2, pp. 18-28
- Verkhovsky A.M. Religious xenophobia. Inter-confessional and intra-confessional aspects. 04/28/2003, <http://religion.sova-center.ru>. Electronic resource. Access date: 03/1/2023
- Vorontsova L., Filatov S., Furman D., Religion and politics in modern mass consciousness. — Religion and politics in post-communist Russia, M., Publishing House of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 1994, P.345
- Divisenko K.S., Isaeva V.B. Typology of conversion to Western Buddhism in the context of the concept of the social mechanism of religious conversion // Scientific result. Sociology and management, Volume 6, Issue No. 3, 2020, pp. 139-150
- Zhukovskaya N.L. About Buddhism and Buddhists. Articles from different years. 1969-2011. M.: Orientalia. 2013. 480 p.
- Isaeva V. B. The theory of deprivation as a tool for studying non-traditional religiosity // Sociological Research. 2019. No. 9. P. 39-50

- Korotetskaya L. M. Vajrayana Buddhism in Russia: philosophical foundations, religious practices and spread in Russia and Europe since the late 80s of the 20th century: abstract. dis. Ph.D. Philosopher Sci. Chita, 2010. 23 p.
- Kitinov B.U. Buddhism in the identification processes of Russian Buddhists. Religion in the self-awareness of the people (religious factor in identification processes). M.: IS RAS. 2008. p. 214-230
- Mongush M.V. Traditional and Western Buddhism in modern Russia: experience of comparative analysis New studies of Tuva. 2016. No. 1. URL: // <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/69> (access date: 03/01/2023)
- Ostrovskaya E.A. Buddhist communities of St. Petersburg. - St. Petersburg: Aletheya, 2016. - 198 p.
- Tarbastaeva I. S. Social Institute of Buddhism in Modern Russia, Siberian Philosophical Journal. 2019. 17, No. 4 p.146-154
- Tarbastaeva I. S. Tsyrempilov N. V. Buddhism in Russia: past and present // Power. No. 4. 2013. p. 83-87
- Filatov S. Buddhism in Buryatia: new trends // Russian Review 2010. No. 3. URL: <https://www.keston.org.uk/rr/43/03-filatov-s-buryatiya.html> (accessed 09.08. 2019)
- Yangutov L. E., Tsyrenov Ch. Ts. Buddhism in the sociocultural tradition of Russia // Bulletin of the Buryat State University. 2016. No. 6. p. 108-119

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 08.12.2023
Поступила после рецензирования 08.03.2023
Принята к публикации 20.06.2024

Received December 08, 2023
Revised March 08, 2023
Accepted June 20, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Музафарова Наталья Раисовна, аспирант, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Улан-Удэ, Россия.

Natalia R. Muzafarova, post-graduate student, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.

Багаева Ксения Анатольевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Улан-Удэ, Россия.

Kseiya A. Bagaeva, candidate of philosophical sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.